

А. А. Павлов*

О ПРОЩЕНИИ ДОЛГА КАК СПОСОБЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Одним из оснований прекращения обязательств служит прощение долга. Посвященная прощению долга ст. 415 ГК РФ устанавливает: «Обязательство прекращается освобождением кредитором должника от лежащих на нем обязанностей, если это не нарушает прав других лиц в отношении имущества должника».

1. В современной отечественной доктрине отсутствует единое понимание правовой природы прощения долга. Отдельные исследователи утверждают, что прощение долга есть односторонняя сделка, для заключения которой достаточно выражения воли кредитора, освобождающего должника¹. Однако данная позиция не может быть принята, поскольку основана на некорректном толковании положений ст. 415 ГК РФ и не учитывает целого ряда обстоятельств.

Во-первых, для обоснования односторонне-сделочной природы прощения долга используется лишь часть текста ст. 415 ГК РФ («обязательство прекращается освобождением»). Такое толкование далеко от буквального и не способно привести к достоверному результату. Так, следуя подобной логике, мы должны были бы и уступку требования трактовать в качестве односторонней сделки, поскольку п. 1 ст. 382 ГК РФ говорит о том, что принадлежащее кредитору требование может быть передано им другому лицу. Однако договорный характер уступки прямо отражен в действующем законодательстве (п. 1 ст. 1216 ГК РФ) и не вызывает сомнений ни в доктрине, ни в судебно-арбитражной практике.

Кроме того, систематическое толкование положений гл. 26 ГК РФ показывает, что одностороннее прекращение обязательства является лишь исключением и возможно только в случаях, прямо предусмотренных законом. Так, например, ст. 410 ГК РФ, регламентирующая прекращение обязательства зачетом встречного однородного требования, прямо указывает на то, что для зачета достаточно заявления одной стороны. Ст. 415 ГК РФ подобного указания не содержит, что дает основание констатировать допустимость прощения долга только по соглашению между кредитором и должником².

Во-вторых, непризнание за волеизъявлением должника конституирующего значения влечет, по сути, «навязывание» ему прекращения обязательства.

© Павлов А. А., 2007

* доцент кафедры гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук

¹ См., напр.: Денисевич Е. М. Односторонние сделки, направленные на прекращение гражданских правоотношений // Цивилистические записки. Вып. 2. — М., 2002. — С. 391; Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / Под. ред. Т. Е. Абовой и А. Ю. Кабалкина. — М., 2002. — С. 800 (автор комментария — Е. В. Кабатова); Шилохвост О. Ю. О прекращении обязательств прощением долга // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: Сборник памяти С. А. Хохлова. — М., 1998. — С. 354, 366. Примеры подобного подхода можно встретить и в судебно-арбитражной практике (см., напр.: постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 13 февраля 2002 г. № Ф09-139/02-ГК; Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 27 ноября 2003 г. № КГ-А40/9248-03).

² Крашенинников Е. А. Правовая природа прощения долга // Очерки по торговому праву. — Ярославль, 2001. — Вып. 8. — С. 41; Байгушева Ю. В. Прощение долга из банковской гарантии // Очерки по торговому праву. — Ярославль, 2004. — Вып. 11. — С. 43.

Подобный подход далеко не всегда соответствует интересам должника и вступает в определенное противоречие с основными принципами гражданского законодательства (п. 1 ст. 1, п. 1 ст. 2 ГК РФ).

В-третьих, договорный характер прощения долга подтверждается историческим и сравнительно-правовым анализом рассматриваемого института. Так, римское право в качестве условия действительности отречения (прощения долга) рассматривало согласие должника³. Основной формой отречения выступала акцептиляция – «освобождение должника от обязательства путем взаимного признания, посредством которого происходит освобождение обеих сторон от одного и того же обязательства»⁴.

Из необходимости согласия должника для прощения (сложения) долга исходит большинство современных право порядков⁵. В одних странах этот принцип прямо закреплен (§ 397 ГГУ, ст. 115 ШОЗ, ст. 6.160 ГК Нидерландов, ст. 1862 ГК Латвии, ст. 448 ГК Грузии, ст. 662 ГК Молдовы, ст. 458 ГК Туркмении), в других – выводится из анализа законодательных установлений (ст. 1285, 1287 ФГК⁶, ст. 1236 ГК Италии⁷).

Все сказанное позволяет утверждать, что прощение долга опосредуется не односторонней сделкой кредитора, а соглашением между кредитором и должником, и соответственно, относится к договорным способам прекращения обязательств⁸.

II. Признание договорного характера прощения долга делает актуальным вопрос о характеристике данного соглашения и его месте в системе договоров отечественного гражданского права.

К сожалению, и в этом вопросе современная отечественная доктрина далека от единства. Одной из наиболее распространенных позиций является взгляд на прощение долга как на разновидность дарения. При этом аргументация подобного подхода либо вовсе не отсутствует⁹, либо сводится к «сравнению норм п. 1 ст. 572 и ст. 415 ГК РФ»¹⁰. Однако этот взгляд не выдерживает критической проверки. Во-первых, анализ указанных нормативных положений отнюдь не свидетельствует о единой правовой природе данных договоров и возможности рассмотрения дарения как родовой, а прощения долга – как видовой категории. Во-вторых, рассматриваемая точка зрения приводит к выводу о том, что правила, посвященные институту «общей части», даются законодателем в «особенной части». Последнее не согласуется с традиционной для отечественных ГК пандектной системой кодификации гражданского права, одной из особенностей которых является наличие общих положений, «общей части», объединяющей одинаково применимые ко всем правоотношениям институты¹¹. Кроме того, при

³ Виндшейд Б. Об обязательствах по римскому праву. — СПб., 1875. — С. 260; Гримм Д. Д. Лекции по догме римского права. — М., 2003. — С. 359.

⁴ D.46.4.1. (Цит. по: Дигесты Юстиниана / Пер. с лат. Т. VII. Полутом 1. — М., 2005. — С. 311).

⁵ Гражданское и торговое право зарубежных государств: Учебник / Под ред. Е. А. Васильева, А. С. Комарова. — 4-е изд. — Т. I. — М., 2004. — С. 489 (автор параграфа — Е. А. Васильев).

⁶ Однако это не ставит под сомнение саму договорную природу прощения долга (см., напр.: Жюлли де ла Морандьер Л. Гражданское право Франции / Пер. с франц. Е. А. Флейшиц. — Т. 2. — М., 1960. — С. 577).

⁷ Правила этой статьи гласят: «Обязательство прекращается по заявлению кредитора о прощении долга, сделанному должнику, если последний не заявит в течение разумного срока, что он не желает воспользоваться прощением». Очевидно, что, тем самым, законодателем презюмируется воля должника на прощение долга.

⁸ Иные аргументы в пользу отстаиваемой нами позиции см.: Крашенинников Е. А. Правовая природа прощения долга — С. 40-42; Крашенинников Е. А. О прощении долга // Хозяйство и право. — 2002. — № 10. — С. 76, 77; Байгушева Ю. В. Указ. работа. — С. 44.

⁹ См., напр.: Гражданское право. Т. 3: Обязательственное право / Под ред. Е. А. Суханова. — 3-е изд. — М., 2005. — С. 62 (автор главы — Е. А. Суханов).

¹⁰ Елисеев И. В., Кротов М. В. Проблемы прощения долга как основания прекращения обязательств // Очерки по торговому праву. — Ярославль, 2001. — Вып. 8. — С. 65, 66.

¹¹ Зачастую, дабы избежать указанного противоречия, авторы сходу отрицают договорный характер прощения долга (см., напр.: Денисевич Е. М. Указ. работа. — С. 389-390; Шилохвост О. Ю. Указ. работа. — С. 367-368).

подобном подходе для прощения долга как самостоятельного основания прекращения обязательств вовсе не остается места, а сам этот институт оказывается излишним¹². И, наконец, в-третьих, достаточно часто прощение долга обусловлено встречным предоставлением (напр., взаимное прощение долга), и, как следствие, не может рассматриваться в качестве безвозмездного.

Ответом на последнее замечание явился подход, согласно которому юридическая квалификация договора прощения долга должна быть дифференцированной. В рамках данной концепции соглашение прощения долга может рассматриваться как «договор дарения только в том случае, когда в нем положительно решен вопрос о безвозмездности действий кредитора по освобождению должника от возложенных на него обязательств и при явном намерении кредитора одарить должника без всякого встречного предоставления в рамках всех взаимоотношений сторон»¹³.

Однако подобный подход вряд ли может быть признан удовлетворительным, ибо ему свойственны практически все указанные выше недостатки. С рассматриваемых позиций статус прощения долга как самостоятельного основания прекращения обязательств вновь ставится под сомнение. Прощение долга, не сопровождаемое встречным предоставлением, оказывается излишней категорией, полностью поглощаемой договором дарения.

Квалификация прощения долга, сопровождаемого встречным предоставлением, в рамках данной концепции не раскрывается и остается неясной. Теоретически мыслимы два варианта. Такое соглашение можно рассматривать как один из возмездных договоров «особенной части» (напр., как договор мены) и применять к нему соответствующие положения части второй ГК РФ. В подобном случае институт прощения долга опять же оказывается поглощенным институтами особенной части, выступает как их разновидность и не имеет самостоятельного правового значения.

Возможно такое соглашение следует воспринимать как подлинное прощение долга и использовать для его регламентации исключительно правила ст. 415 ГК РФ. Однако при подобном подходе правовая природа и характеристика единого по своей сути института прощения долга оказывается искусственно расщепленной на две составляющие (прощение долга – договор дарения). При этом указанные части оказываются не равнозначными и не принадлежат к единой классификационной рубрике, ибо первая в силу прямого указания закона выступает как основание прекращения, а вторая — как основание возникновения обязательства.

Очевидно, что ни один из предложенных вариантов не может быть признан удовлетворительным.

¹² Ибо всегда будет ничем иным как дарением (освобождением от имущественной обязанности перед собой). А согласно известному логическому приему «бритвы Оккама»: «не следует умножать сущности без необходимости».

Видимо этот изъян чувствуют и сами авторы, попутно предлагая сужение предмета договора дарения, путем исключения из текста п. 1 ст. 572 ГК РФ указания на возможность дарения путем освобождения от имущественной обязанности перед самим собой (см.: *Елисеев И. В., Кротов М. В.* Указ. работа. — С. 68).

¹³ *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. — М., 2000. — С. 347 (автор главы — В. В. Витрянский); *Эрделевский А.* Прощение долга и договор дарения // Российская юстиция. — 2000. — № 3. — С. 12-14; *Щербаков Н.* Прощение долга и коммерческий интерес // ЭЖ-Юрист. — 2005. — № 26. Подобная позиция воспринята судебной арбитражной практикой, см. напр.: постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26 апреля 2002 г. № 7030/01; постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 17 сентября 2001 г. № А05-4012/01-293/17; п. 3 Обзора судебной практики применения арбитражными судами норм Гражданского кодекса РФ о некоторых основаниях прекращения обязательств: Информационное письмо ВАС РФ // Вестник ВАС РФ. — 2006. — № 4.

На наш взгляд, прощение долга не идентично дарению, и не может (ни полностью, ни в части) рассматриваться как разновидность последнего. Однако обоснование подобного подхода следует искать не в мотивации сторон (желании одарить или отсутствии такового), а в различной правовой природе указанных институтов, в силу которой они не могут рассматриваться как однопорядковые величины и противопоставляться друг другу. Дарение может лежать в основании прощения долга, определять хозяйственную цель, которую желают достичь стороны. Такой договор только создает обязанность простить долг (является обязательственной сделкой), но не прекращает соответствующее требование автоматически. Непосредственное прекращение осуществляется посредством самостоятельного волевого акта — договора прощения долга, носящего характер распорядительной сделки¹⁴.

Наиболее наглядно это видно из консенсуальной модели договора дарения, которая лишь порождает обязанность дарителя простить долг (заключить договор прощения долга), а следующий во исполнение данной обязанности договор прощения долга непосредственно прекращает обязательство. В рамках же реальной модели договор дарения и распорядительная сделка прощения долга совершаются одновременно. Однако и в этом случае самостоятельный характер обоих договоров налицо, поскольку непосредственное прекращение обязательства является следствием именно договора прощения долга.

Данный вывод справедлив и для ситуации, когда прощение долга и договор, служащий для него основанием, совершаются одновременно и даже оформляются единым документом. С правовой точки зрения и в этом случае мы имеем дело с двумя различными сделками.

Договор дарения не является единственным возможным основанием сделки прощения долга. В подобном качестве может выступать и возмездный договор (напр., при взаимном прощении долгов либо прощении части долга в целях обеспечения исполнения остальной части¹⁵). Вместе с тем необходимо учитывать, что распорядительный характер договора прощения долга исключает применение к нему дифференциации сделок на возмездные и безвозмездные. Возмездной (безвозмездной) может быть только обязательственная сделка, лежащая в основании прощения долга, но никак не сам договор отречения.

III. Как распорядительная сделка, договор прощения долга абстрактен¹⁶. Вследствие этого он не зависит от пороков обязательственной сделки, лежащей в его основании, и, соответственно, является действительным даже при отсутствии или недействительности обязательственной сделки. Так, недействительность дарения, совершенного в нарушение запрета ст. 575 ГК, не влечет

¹⁴ Отдельные авторы отвергают саму возможность использования категории «распорядительной сделки» (см., напр.: Гражданское право. Т. 3: Обязательственное право / Под ред. Е. А. Суханова. — С. 48-49 (автор главы — Е. А. Суханов) по мотивам заимствования ее из германского права. Подобная позиция неконструктивна. Выделение категории «распорядительных сделок» не обусловлено исключительно особенностями германского законодательства. Использование дихотомии «обязательственные — распорядительные сделки» является важнейшей в понимании системы гражданско-правовых сделок и несколько не противоречит основам построения отечественного частного права.

¹⁵ Пример подобного прощения приводится еще Г. Дернбургом (см.: *Дернбург Г.* Пандекты. Т. III. Обязательственное право. — М., 1904. — С. 174).

¹⁶ *Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch. Band 1. Gesamtsachverzeichnis. § 1-610.* — München, 2003. — S. 1480; *Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch. Band 2a. Schuldrecht Allgemeiner Teil. § 241-432. 4. Aufl.* — München, 2003. — S. 2491; *Эннексерус Л.* Курс германского гражданского права. — М., 1950. — Т. 1. Полутом 2. — С. 127; *Крашенинников Е. А.* Правовая природа прощения долга. — С. 51-53; *Байгушева Ю. В.* — Указ. работа. — С. 47; *Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая (постатейный) / Под ред. Н. Д. Егорова, А. П. Сергеева.* — М., 2005. — С. 791 (автор комментария — А. А. Павлов).

недействительности основанной на нем сделки прощения долга, а, следовательно, и восстановления прекратившегося обязательства. Но в этих случаях должник неосновательно обогатится за счет кредитора. Поэтому у бывшего кредитора возникает притязание к бывшему должнику на восстановление прощенного требования¹⁷.

IV. Предметом договора прощения долга может выступать, в принципе, любое обязательственное право (требование) как договорного, так и внедоговорного характера. Исключение составляют лишь требования, обладающие особым целевым назначением (о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, об уплате алиментов). По смыслу закона эти требования не могут прекратиться иным, нежели исполнение, способом.

Характер прощаемого требования остается безразличным. В частности, допустимо прекращение натурального обязательства, например, заданного или вытекающего из игры (пари). Не исключается возможность прощения условного, а равно будущего требования¹⁸.

Отсутствуют преграды для прекращения рассматриваемым способом притязания на уплату неустойки¹⁹. При этом необходимо иметь в виду, что в ситуации, когда факт нарушения уже имел место, неустойка утрачивает свои обеспечительные функции, а, следовательно, и столь тесную связь с основным обязательством, обособляясь от него в качестве самостоятельной имущественной ценности. Как следствие, прекращение путем прощения долга (либо по иным основаниям) основного обязательства не влечет автоматического прекращения и притязания на уплату неустойки.

Нет препятствий к прощению долга, являющегося предметом судебного разбирательства. При этом мировое соглашение является, на наш взгляд, отнюдь не единственной возможной формой подобного прощения. Допустимо прекращение обязательства прощением долга и на стадии исполнительного производства²⁰.

При делимости предмета обязательства возможно прощение части долга (прекращение части обязательства). С учетом презумпции ст. 407 ГК РФ, направленность волеизъявления сторон на частичное прощение долга должна явно вытекать из соглашения.

Не исключена возможность прощения долга в рамках обязательства с множественностью лиц. Если речь идет о долевой множественности, никакой особой спецификой подобное прощение не обладает.

Ситуация усложняется, если речь идет об обязательствах с солидарной множественностью. В отсутствие прямых указаний в законодательстве отечественная доктрина испытывает значительные затруднения в решении этого вопроса.

Так, применительно к пассивной солидарной множественности ст. 1714 Проекта Гражданского уложения предусматривала, что безвозмездное

¹⁷ Крашенинников Е. А. Правовая природа прощения долга. — С. 51-53.

¹⁸ В подобном случае действие договора о прощении долга проявляется только в момент наступления условия или возникновения требования. Подробнее см.: Крашенинников Е. А. Правовая природа прощения долга. — С. 45-46, 53-54.

¹⁹ Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 24 июля 2003 г. № Ф08-2593/03.

²⁰ Само по себе отсутствие в ст. 23 ФЗ «Об исполнительном производстве» подобного основания прекращения исполнительного производства не может рассматриваться в качестве запрета прощения долга в данной ситуации. Иное см.: постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 14 апреля 2005 г. № Ф09-478/05ГК; постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 28 июля 2005 г. № Ф09-2065/05-С6.

²¹ Гражданское Уложение: Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии (с объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной комиссии, с приложением законопроекта об авторском праве одобренного Государственной Думой). — Т. 2. — СПб., 1910. — С. 294-295.

освобождение верителем одного из совокупных должников от обязательства, не освобождает остальных должников от исполнения обязательства, насколько противное не вытекает из содержания договора об освобождении должника. Напротив, если веритель отказывается от своего требования за какое-либо вознаграждение, полученное от одного из совокупных должников, то остальные должники освобождаются от обязательства, так как веритель не вправе искать двойного удовлетворения по своему требованию²¹. Таким образом, смотря по тому, является ли договор прощения долга возмездным или безвозмездным, обязательства содолжников, соответственно, либо прекращаются, либо, как правило, не прекращаются.

И. Б. Новицкий указывал, что прощение долга, совершенное в отношении одного из содолжников, по общему правилу, не касается других должников. Однако кредитор может совершить эти действия и не персонально в пользу данного должника, а в пользу всех вообще должников, как это, например, может вытекать из того, что кредитор отдал обратно долговой документ²². При этом, поскольку кредитор не может влиять на взаимоотношения между содолжниками, должник вправе договариваться с кредитором о прекращении обязательства, но не освобождается этим от своих обязательств в отношении содолжников. Соответственно, при осуществлении права регресса должник не обязан считаться с тем, что кредитор одному из должников персонально простил долг и имеет право регресса в том числе и к должнику, получившему персональное освобождение от обязательства²³.

Определенным ориентиром в решении поставленного вопроса могут выступать иностранные правовые порядки. Так, § 423 ГГУ устанавливает, что соглашение между кредитором и одним из солидарных должников об освобождении последнего от исполнения освобождает и остальных должников, если целью соглашения было прекращение всего обязательства. При этом, относительно последующих взаимоотношений, германская доктрина признает, что если кредитор снимет ответственность с одного из должников так, что он будет освобожден от долга, то остальные будут отвечать перед кредитором за вычетом той части или той суммы, которую они путем регресса могли бы получить с освобождаемого товарища²⁴.

Ст. 10:108 Принципов Европейского договорного права²⁵ предусматривает, что когда кредитор прощает долг одного из солидарных должников, другие должники освобождаются от ответственности за долю этого должника. Должники полностью освобождаются от ответственности прощением долга, если такое соглашение предусматривает это. Солидарный должник, который освобождается от ответственности за свою долю, освобождается только в пределах доли на момент освобождения от ответственности, но не от любой дополнительной доли, за которую должник может впоследствии понести ответственность в соответствии со ст. 10:106(3)²⁶.

Что касается случаев активной солидарной множественности, то отечественная доктрина единодушна во мнении, что прощение долга одним из

²² Новицкий И. Б., Лунц Л. А. Общее учение об обязательстве. — М., 1950. — С. 213 (автор главы — И. Б. Новицкий).

²³ Там же. — С. 216-217.

²⁴ Бернгефт Ф., Колер И. Гражданское право Германии. — СПб., 1910. — С. 234. Аналогичные правила предусмотрены ст. 1285 ФГК, ст. 547 ГК Азербайджана, ст. 449 ГК Грузии, ст. 459 ГК Туркмении.

²⁵ Вестник ВАС. — 2005. — № 4.

²⁶ «Если солидарный должник, исполнивший обязательство в размере, превышающем его долю, не может, несмотря на все разумные усилия, взыскать излишне исполненное с другого должника, доля остальных, включая должника, исполнившего обязательство, увеличивается пропорционально».

кредиторов должнику не прекращает права других солидарных кредиторов²⁷. В германском же праве (§ 429 ГГУ) соглашение о прощении долга между должником и одним из солидарных кредиторов может иметь силу и в отношении других сокредиторов, если намерением сторон было погашение обязательства в целом²⁸.

V. Статья 415 ГК РФ не устанавливает правил относительно формы договора прощения долга. Поэтому данный договор может быть заключен в любой форме, предусмотренной для совершения сделок (абз. 1 п. 1 ст. 434 ГК РФ).

Допустимой формой договора прощения долга может выступать расписка кредитора об отсутствии претензий, врученная им должнику, а равно договор должника с кредитором, в рамках которого последний признает отсутствие обязательства.

Поскольку договор прощения долга может быть заключен устно, допустимо его совершение и путем конклюдентного поведения (п. 2 ст. 158 ГК РФ). Так, наличие соглашения о прощении долга может быть констатировано в случае возвращения должнику долговой расписки или уничтожения ее в присутствии должника²⁹. Обязательство гаранта перед бенефициаром может быть прекращено путем отказа бенефициара от своих прав по гарантии и возвращения ее гаранту (подп. 3 п. 1 ст. 378 ГК РФ)³⁰.

Что касается возможности совершения прощения долга путем молчания, то подобное возможно в случаях, предусмотренных законом или соглашением сторон (п. 3 ст. 158 ГК РФ)³¹.

VI. Прощение долга предполагает явно выраженное волеизъявление обеих сторон прекратить обязательство. В силу этого не являются прощением долга и не влекут соответствующего правового эффекта непредъявление кредитором требования об исполнении обязательства, принятие кредитором лишь части долга³², а равно обещание кредитора не заявлять должнику существующие против него требования³³.

²⁷ Голевинский В. О происхождении и делении обязательств. — Варшава, 1872. — С. 225; Новицкий И. Б., Лунц Л. А. Указ. работа. — С. 219; Сарбаш С. В. Обязательства с множественностью лиц и особенности их исполнения. — М., 2004. — С. 101. Аналогичные правила предусматривает ст. 10:205(2) Принципов Европейского договорного права.

²⁸ Munchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch. Band 2a. Schuldrecht Allgemeiner Teil. § 241-432. 4 Aufl. S. 2492.

²⁹ Крашенинников Е. А. Правовая природа прощения долга. — С. 44.

³⁰ Байгушева Ю. В. Указ. работа. — С. 47-48.

³¹ Германская доктрина, в частности, признает возможным для добросовестного должника с учетом обычно требуемого внимания рассматривать в качестве молчаливого отказа непредъявление кредитором требования о периодических платежах в течение длительного времени (Munchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch. Band 2a. Schuldrecht Allgemeiner Teil. § 241-432. 4 Aufl. S. 2491).

³² За исключением случаев, когда подобные действия можно расценивать как допустимую форму волеизъявления (Munchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch. Band 2a. Schuldrecht Allgemeiner Teil. § 241-432. 4 Aufl. S. 2489-2490).

³³ Pactum de non petendo, известное еще римскому праву, не прекращает обязательство ipso jure, а только оре exceptionis, т.е. обязательство формально продолжает существовать, но обессилено противопоставлением иску возражения (подробнее см.: Гримм Д. Д. Указ. работа. — С. 359; Крашенинников Е. А. Правовая природа прощения долга. — С. 43-44). Таким образом, подобное соглашение (в особенности, pactum de non petendo perpetuum) лишь приводит к экономическому результату, близкому к прощению долга, но разновидностью последнего не является (Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch. Band 1. Gesamtsachverzeichnis. § 1-610. S. 1480).